
ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мир управляется гордостью и стремлением к самореализации», — говорится в очерке Дмитрия Быкова об А. П. Чехове¹. Примерно то же можно было бы сказать об английском писателе и мыслителе, беспощадном критике действительности, горячо любившем и в то же время ненавидевшем окружающий мир, о страстном разоблачителе тоталитарных систем и их властителей Джордже Оруэлле, чье творчество до последних лет его жизни было известно сравнительно немногим. Оруэлл прославился только незадолго до смерти, когда британскому, а затем и иностранному читателю стали широко известны повесть-притча «Скотный двор» («Ферма животных»), а затем роман-утопия (или антиутопия*, как предпочитают формулировать некоторые литературоведы) «1984»**.

Популярность этих произведений была связана с тем, что они вроде бы имели объектом сталинский Советский Союз, но оказалось, что в разной степени и в разнообразных проявлениях свиное рыло тоталитаризма (среди персонажей повести-притчи были свиньи) и «Большой Брат» из романа-утопии вторгались в жизнь людей и в так называемых демократических странах. По крайней мере именно

---

* Мы никак не можем согласиться с самим понятием «антиутопия», так как введением этого термина его изобретатели превращают утопию в нечто имеющее только позитивный смысл, что явно не соответствует действительности.

** Сам автор называл свой роман исключительно словами — «Nineteen Eighty-Four» («Тысяча девятьсот восемьдесят четыре»); но поскольку и большинство западных, и абсолютно все российские его издания озаглавлены «1984» и то же название употребляется в справочной литературе, мы также вынуждены использовать его везде, за исключением цитат, где встречается иное написание.

так смотрел на свои книги автор, что породило его с читателями во всём мире и сделало его книги вечно злободневными.

Лишь спустя годы после кончины Оруэлла, когда он получил широкую известность, проявился читательский интерес к его более ранним художественным произведениям, публицистике, документам, письмам. Появились биографии писателя и монографии о его политических и художественных взглядах. В небольшой статье 1947 года «Почему я пишу» Оруэлл выделял несколько побудительных мотивов своего творчества, но первым назвал «чистый эгоизм»; остальными тремя являлись эстетический экстаз, исторический импульс, политическая цель. Ни одна книга, полагал Оруэлл, не может быть свободна от политической тенденции; мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, — само по себе политическая позиция².

Пожалуй, не было биографов, которые не утверждали бы, что жизнь героя книги надо показывать такой, какова она была на самом деле. Увы, во многих случаях это пустые декларации. В полной мере это относится и к жизнеописаниям героя нашей книги. Изданий, откровенно враждебных в отношении Оруэлла, мало, но они есть³. В то же время большинство авторов представляли читателю явно идеализированный портрет Оруэлла, подбирая те факты, которые вписывались в их концепцию. Тем не менее среди опубликованных на английском языке четырех с половиной десятков книг об Оруэлле (а с учетом изданий его произведений с подробными комментариями их гораздо больше) имеется некоторое число добротных работ.

Особенно выделяются фундаментальные книги Бернарда Крика и Майкла Шелдена⁴. Заслуга первого состояла в том, что он впервые привлек для изучения жизненного пути Оруэлла материалы его архива, прежде всего объемистую переписку (вдова писателя Соня Блэр предоставила Крику исключительное право на использование архива). В 2008 году один из авторов трудов об Оруэлле, В. Тейлор, в связи с кончиной Крика писал, что его книга «воспринималась всеми последующими биографами Оруэлла как стартовая площадка»⁵. Шелден, в свою очередь, смог получить письменные воспоминания родных, близких, друзей, записать свидетельства тех, кто изъявил готовность рассказать о своих контактах с Оруэллом.

Но даже в этих, на наш взгляд, лучших работах неоправданно мало места уделено собственно творчеству Оруэлла,

вплоть до того, что о принесших писателю всемирную славу притче «Скотный двор» и романе «1084» имеются лишь беглые упоминания.

Любопытно, что авторы, относящиеся к своему герою с оправданной симпатией, в том числе Б. Крик и М. Шелден, предпочитают оставлять белые пятна там, где Оруэлл поступил, по их мнению, не совсем порядочно. Шелден говорит о списке подозрительных, ненадежных и сомнительных в политическом отношении лиц, который составлял Оруэлл в самом конце жизни, находясь в туберкулезном санатории, но недоговаривает, что по крайней мере часть этого списка была им передана британским официальным органам, занимавшимся борьбой с коммунистической пропагандой. Крик же лишь глухо упоминает о списке полутора строками.

Уже в XXI веке Дэвид Джон Тейлор обобщил новейшие данные, исследовал личный архив Оруэлла и другие документальные фонды и создал третью наиболее значительную биографию, хотя и в ней встречаются пробелы, неясности относительно источников информации, повторения и некоторая идеализация героя⁶. Определенный интерес представляют и работы, посвященные отдельным сторонам деятельности и творчества Оруэлла — его становлению как писателя⁷, его политическим взглядам и деятельности⁸, его пути к созданию романа «1984»⁹.

Немало книг и статей посвящено именно этому роману. В них прежде всего ставится вопрос, являлся ли он предостережением или прогнозом (большинство авторов, по нашему мнению, склоняются ко второй точке зрения)¹⁰, проводится сравнение с другими произведениями, посвященными сходной тематике, в частности с романами О. Хаксли «О дивный новый мир» и А. Кестлера «Слепящая тьма»¹¹, сопоставляется «новояз» романа (специфический язык возможного будущего созревшего тоталитаризма) с его прообразами — политическими лексиконами сталинского СССР и нацистской Германии¹² и даже рассматриваются явления подлинного 1984 года (прежде всего его технологии и пропагандистская машина)¹³.

В то же время многие этапы и стороны жизни, деятельности, творчества Оруэлла, его общественных контактов освещены схематично или односторонне, вне связи с теми историческими коллизиями, в которых он существовал и которые оказывали порой решающее воздействие на его политическую и творческую эволюцию.

Странное впечатление производит небольшая книга французского социолога Алена Безансона, в которой, по словам автора, предпринята попытка провести сравнение между взглядами русского философа В. С. Соловьева и Оруэлла — сравнение искусственное, основанное на том, что оба автора якобы показали «изошренный характер зла в современном мире, пытающегося обольстить людей под маской поддельного добра»¹⁴. Собственно говоря, сравнения как такового нет — взгляды того и другого рассматриваются в отдельных, мало связанных между собой разделах.

Литература об Оруэлле на русском языке крайне скудна. Всё, что было написано о нем в СССР и постсоветской России, — это преимущественно краткие фрагменты, посвященные его творчеству, — вначале «разоблачительные» либо сдержанно-негативные, а в наши дни колеблющиеся в диапазоне от восторженных (в основном предисловий и послесловий к сборникам его сочинений) до проклинающих, каковых, правда, явное меньшинство.

Почти до самого конца советской эпохи имя Оруэлла было под запретом или в крайнем случае упоминалось с резко отрицательными интонациями. «Политика тотального “библиоцида”, неуклонно проводившаяся на протяжении десятилетий, практически исключала появление его книг на отечественном горизонте», — констатирует литературовед А. В. Блюм¹⁵. Оруэлла игнорировали энциклопедии. Даже в девятитомной «Краткой литературной энциклопедии», вышедшей в 1960—1970-х годах, не только не было статьи о писателе, но вообще ни разу не было упомянуто его имя, хотя бы в ругательном контексте, даже там, где это просто было необходимо (например, в статьях об утопиях и фантастике).

Только в начале 1980-х годов справочные издания стали позволять себе упоминания о писателе, причем с совершенно нелепыми определениями того, что он собой представлял. Так, в «Советском энциклопедическом словаре» (1982) о нем было сказано: «...англ. писатель и публицист; от мелкобурж. радикализма перешел к бурж.-либер. реформизму и антикоммунизму. Антирев. сатира “Ферма животных” (1945). Роман-антиутопия “1984” (1949) изображает об-во, идущее на смену капитализму как тоталитарный иерархич. строй. Мелкобурж. радикалы считают О. предшественником “новых левых”»¹⁶.

Отметим во имя справедливости, что здесь хотя бы названы два наиболее выдающихся произведения писателя, а

сам он отнесен к «мелкобуржуазным» авторам, что в глазах коммунистических боссов было всё же чуть лучше, чем, скажем, «идеолог империализма». Кроме того, упоминался термин «тоталитаризм», что действительно было главным в характеристике романа Оруэлла.

Лишь изредка имя Оруэлла появлялось в советской прессе. Сенсацией стала публикация в «Литературной газете» статьи Б. Черния, в заголовке которой фигурировала его фамилия: «Почему в моде Оруэлл?»¹⁷. Хотя автор подчеркивал антисоветскую направленность творчества писателя, по крайней мере к нему привлекалось внимание массы образованных и ищущих правды читателей, были названы его произведения, причем без истерического осуждения, хотя и с отрицательными коннотациями.

Центральная советская печать просто не могла не прореагировать на «год Оруэлла» — 1984-й. Статьи были кисло-сладкие, в духе того, что значилось в названном выше энциклопедическом словаре. В «Известиях» выступил весьма плодовитый, хотя и поверхностный М. Стуруа, который, хорошо знал, что можно писать и что нельзя. О том, что собой представляла позиция Стуруа, достаточно четкое представление дает лишь одна цитата об Оруэлле: «Ренегат социализма, превратившийся из попутчика прогресса в лазутчика реакции, замыслил свой роман в жанре социально-политической утопии как карикатуру на наш строй на примере лейбористской Англии, “переродившейся” в “коммунистическую”. Но история сыграла — не могла не сыграть — злую шутку и с автором романа, и с его апологетами. Каждый год от 1949-го до 1984-го всё явственнее, всё убедительнее показывал, что Оруэлл, сам того не желая... нарисовал не карикатуру на социализм и коммунизм, а вполне реалистическую картину современного капитализма-империализма. То, в чем упражнялась изощренная фантазия Оруэлла, стало явью западного мира, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки — подлинного, а не вымышленного “центра зла наших дней”»¹⁸.

В том же духе откликнулась «Литературная газета». С. Воловец изобразил Оруэлла неким отшельником, никогда не знавшим, что такое социализм, «писавшим на заброшенной ферме острова Юра (Джура. — Ю. Ф., Г. Ч.)... питавшим свою фантазию... современной ему английской действительностью. По многим причинам он ошибочно отождествлял ее с социализмом»¹⁹.

Сходные интонации звучали в книге А. Эфирова «По-

кушение на будущее»²⁰. Эфилов совершил, прямо-таки цирковой трюк, попытавшись превратить подлинного антикоммуниста и антисоветчика Оруэлла в «союзника» коммунистической власти «в борьбе с империализмом»²¹.

В 1986 году появился вполне достоверный и, главное, сочувственный обзор западной литературы об Оруэлле, подготовленный В. Чаликовой и Л. Лисюткиной, опубликованный в малотиражном издании максимально идеологически выдержанной серии «Критика буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма»²². Авторы обзора приглашали к объективному взгляду на творчество писателя. За год до этого в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где начинали зарождаться истоки будущего «нового мышления», была защищена кандидатская диссертация В. М. Недошивина, в которой, несмотря на ее сугубо «партийный» заголовок, были высказаны довольно точные суждения о творчестве Оруэлла, лишённые коммунистической предвзятости²³. (Вскоре, когда развернется перестройка, а затем рухнет Советский Союз, Недошивин выступит с несколькими комментариями к творчеству Оруэлла, неглубокими по существу и с фактическими ошибками, но явно сочувственными²⁴.)

Произведения Оруэлла стали широко издаваться на русском языке с конца 1980-х годов, и ныне «Скотный двор» и последний роман многократно опубликованы большими тиражами. Читатель также получил возможность ознакомиться с другими романами, великолепными эссе, литературоведческими статьями и критическими обзорами.

Что же касается изучения жизни и деятельности писателя, то оно в литературе, изданной в России, оставалось в самом зачаточном состоянии. Список изданий о нем ограничен всего лишь двумя небольшими книгами — чисто литературоведческой, принадлежащей перу В. Г. Мосиной, и отчасти литературоведческой, отчасти социологической, написанной А. Н. Алексеевым²⁵; несколькими предисловиями и послесловиями к изданиям его произведений, содержащими минимум биографической информации, и группой статей. Среди них заслуживают высокой оценки работы В. А. Чаликовой, из которых наиболее интересен «Комментарий к “1984”» (она была также переводчиком ряда произведений Оруэлла на русский язык)²⁶. Интересна статья А. В. Блюма, на базе архивных документов раскрывающая страх советских чиновников при одном упоминании имени британского писателя, автора произведений, в содержании которых явно виделся реальный образ СССР²⁷.

Менее содержательны несколько предисловий А. М. Зверева к сочинениям Оруэлла²⁸. Можно предположить, что их интонации, упреки в адрес писателя вроде того, что он был слаб в обобщениях, продиктованы временем — годами горбачевской «перестройки», когда коммунистическая цензура явно ослабела, но всё еще подавала признаки жизни. В то же время к безусловной заслуге автора следует отнести его участие в появлении в СССР повести-притчи Оруэлла «Скотный двор».

Когда же литературоведы или социологи обращаются к жизненному пути писателя, оказывается, что он известен им только в самых общих чертах. Авторы некоторых публикаций используют творчество Оруэлла в явно политических целях, причем не скрывают этого²⁹.

В 2017 году в Санкт-Петербурге крохотным тиражом была опубликована биография Оруэлла, написанная британской переводчицей и журналистом М. Карп. Автор в целом достоверно излагает жизненные перипетии своего героя, хотя в книге можно встретить немало фактических неточностей и спорных оценок³⁰.

Приходится с сожалением констатировать, что русскоязычный читатель всё еще не знаком со всеми перипетиями жизненного пути великого британского писателя и мыслителя*.

Мы пытаемся восполнить этот пробел, используя обширную базу источников, связанных с жизнью, деятельностью, творчеством нашего героя.

От биографических изданий на английском языке предлагаемая читателю книга отличается стремлением поновому взглянуть на отдельные этапы и эпизоды жизни и творчества Оруэлла, на перипетии его личной жизни, на его место в английской и мировой литературе, в политической жизни Великобритании и других стран. Адресуясь к русскоязычному читателю, мы уделили особое внимание советским акцентам в творчестве Оруэлла и в восприятии его произведений, неизменно окрашенных политикой.

Будучи глубоко убеждены в большой значимости Джорджа Оруэлла как литератора, публициста, общественного деятеля, одного из крупнейших и оригинальнейших бри-

---

* Когда наша книга уже была сдана в печать, появилось сообщение о предстоящем выходе работы В. Недошивина «Джордж Оруэлл: Неприступная душа», с которой мы не имели возможности ознакомиться.

танских мастеров слова в XX веке, мы в то же время отдаем себе отчет, что он не возник внезапно, как Минерва из головы Юпитера, а развивался постепенно и стал писателем мирового класса только к самому концу жизни благодаря своим последним произведениям.

Как любой крупный писатель, Джордж Оруэлл находился в крайне сложных, если не сказать конфронтационных, отношениях со временем, в котором он жил, с людьми, которые его окружали. Он, подобно Дон Кихоту, подчас шел на сражение если не с ветряными мельницами, то, во всяком случае, с обветшавшими догмами, привычными представлениями, с особо свойственным британцам консерватизмом, хотя в ряде случаев вступал в борьбу и с тем, что считал псевдоноваторством, демонстративно объявляя себя социалистом-консерватором. Эти стороны жизни и деятельности нашего героя мы попытаемся осветить наиболее основательно.

В нашем распоряжении имелась богатая база источников. Это прежде всего произведения и документы автора. При всей опасности использования художественного творчества в качестве исторических источников (бывает, что оно не столько освещает перипетии жизни их автора, сколько вводит в заблуждение), тщательное изучение романов, публицистики, писем Оруэлла позволяет в сопоставлении с другими документами найти приемлемую грань, дающую возможность воспроизвести многие эпизоды его жизни, взгляды, взаимоотношения с другими людьми и особенности его творческого процесса.

Первая серьезная попытка издания собрания сочинений Оруэлла была предпринята его вдовой Соней Браунелл (Блэр), часто обозначавшей свою фамилию как Оруэлл, совместно с хранителем фонда писателя в Отделе специальных коллекций Научной библиотеки Университетского колледжа Лондонского университета. Это издание в четырех томах «Собрание очерков, статей и писем Джорджа Оруэлла» (в него не были включены художественные произведения), осуществленное в 1968 году³¹, было построено хронологически, причем каждый том получил название, взятое из сочинений автора. За ним последовал двадцатитомник³², подготовленный под руководством профессора Питера Дэвисона. Первые девять томов составляют романы и другие отдельные книги, а остальные тома содержат расположенные в хронологическом порядке сочинения и документы, включая письма, и обширный справочный ап-

парат, намечающий пути к углубленному изучению жизни и творчества Оруэлла³³.

После выхода собрания сочинений удалось обнаружить и опубликовать новые ценные документы³⁴ и дневники писателя³⁵. Читатель имеет ныне возможность познакомиться с перепиской — не только с письмами самого Оруэлла, но также с частью адресованной ему корреспонденции³⁶. Вся эта документация стала доступной в первую очередь благодаря неустанному труду профессора университета Де Монфор (Лестер) Питера Дэвисона.

Ценнейшие архивные материалы Джорджа Оруэлла хранятся в его фонде в Отделе специальных коллекций Научной библиотеки Университетского колледжа Лондонского университета (London University. University College London. Special Collections. Great Britain 0103. George Orwell Archive; далее — George Orwell Archive). Правда, все находящиеся там произведения и подавляющее большинство документов самого Оруэлла опубликованы в собрании его сочинений. Но для исследователя весьма важны рукописи, отражающие процесс работы над произведениями, личные документы писателя, материалы родных и близких, в частности его первой жены Эйлин, адресованные ему письма, первые издания произведений и многочисленные другие материалы, которые значительно расширяют представление о характере деятельности, взглядах, связях нашего героя.

Заместитель главного библиотекаря Университетского колледжа Ян Энгус, который взял на себя миссию обработки Архива Оруэлла в соответствии с пожеланиями его вдовы Сони, записал свидетельства нескольких десятков человек, в памяти которых запечатлелись те или иные эпизоды жизни писателя, черты его характера, манера поведения, привычки и т. д. Дополнением к ним были письма Энгусу людей, которые были знакомы с Оруэллом.

В фонде хранятся обширная коллекция писем не только самого Оруэлла, но и адресованных ему, его первой жене Эйлин и второй жене Соне, переписка других лиц, связанных с писателем.

Важным дополнением к подлинным документам («историческим остаткам», как называют их археографы) являются материалы «исторической традиции» — косвенные свидетельства, процеженные через сознание и память отдельных людей. К ним прежде всего относятся воспоминания, огромное число которых также сохраняется в Отде-

ле специальных коллекций. Обширную группу составляют материалы вещательной компании Би-би-си, по каналам которой на протяжении многих лет транслировались многочисленные передачи с участием людей, близких к Оруэллу, в том числе жены Сони, приемного сына Ричарда, школьных товарищей, соратников по гражданской войне в Испании, писателей А. Кестлера, В. Притчетта, издателя Ф. Варбурга и многих других. Эти исключительно важные источники позволяют воссоздать живой портрет героя нашей книги.

Вероятно, в какой-то степени символично, что архив Оруэлла хранится ныне почти по соседству с больницей Университетского колледжа, где Эрик Блэр окончил земное существование, чтобы продолжить свое бытие в переиздаваемых по всему миру произведениях Джорджа Оруэлла.

Отдельные документы Оруэлла имеются и в других архивах. В частности, в библиотеке Лилли Индианского университета (США) сохранилась коллекция писем Оруэлла, главным образом адресованных его литературному агенту Леонарду Муру, а также несколько писем Эйлин Блэр, позволяющих бросить взгляд на отдельные стороны творчества и деятельности Оруэлла во второй половине 1930-х — начале 1940-х годов. Ценные документы можно встретить также в коллекции семейства Берг в Отделе рукописных фондов Нью-Йоркской публичной библиотеки (переписка с друзьями, с литературным агентом Л. Муром, с американским издательством «Харпер энд бразерс») и других архивохранилищах.

Эрику Блэру — Джорджу Оруэллу посвящена достаточно большая мемуарная литература. В числе авторов — родные и близкие, в том числе сестра Эврил и вторая жена Соня, сослуживцы Блэра по бирманской полиции, издатели и писатели, женщины, с которыми он был близок. Воспоминания освещают в основном его облик, внешние проявления жизнедеятельности, подчас интересные детали, однако не отличаются глубиной: по сути, нет мемуарных произведений или отрывков, чьи авторы попытались бы проникнуть во внутренний мир, который писатель, будучи человеком крайне сдержанным, стремился не выпускать в мир внешний даже в общении с самыми близкими людьми.

О месте Джорджа Оруэлла в британской и мировой литературе и общественной жизни свидетельствуют многочисленные документальные фильмы о нем и целый ряд художественных кинолент, снятых по его произведениям

(роман экранизировался четыре раза — в 1956, 1970, 1984 и 2009 годах; притча «Скотный двор» — дважды, в 1954 и 1999-м) и пользовавшихся неизменным успехом. С особым интересом зрители встретили фильм, вышедший на экраны в «год Оруэлла», снятый Майклом Редфордом, в главных ролях которого заняты известные британские актеры Джон Хёрт, Ричард Бёртон, Сюзан Гамильтон. Сравнительно недавно, летом 2013 года, британский драматург и режиссер Джеймс МакЭвой представил на фестиваль искусств в Шропшир-Хиллзе спектакль «Последний человек в Европе» (таков был первый вариант названия романа «1984»), в котором освещен жизненный путь Джорджа Оруэлла, в основном на базе его художественных и публицистических произведений. В 1994-м театр им. Ленсовета в Санкт-Петербурге поставил спектакль по пьесе Н. А. Мухиной с тем же названием, представляющий собой сценическое воспроизведение романа. Два главных произведения Оруэлла — притча и роман — входят в обязательную программу большинства курсов истории мировой литературы в средних школах не только Великобритании, но и многих других стран. Изучают их и в ряде учебных заведений России.

Поскольку наш герой существует в двух ипостасях — обычного человека Эрика Блэра и выдающегося писателя Джорджа Оруэлла, мы используем оба имени. Даже в первых главах, когда речь идет о Блэре, еще не помышлявшем, что когда-то станет Оруэллом, иногда употребляется его псевдоним — когда речь идет о воспоминаниях нашего героя или о биографических трудах о нем. С того времени, когда Блэр превратился в писателя Оруэлла, мы употребляем псевдоним при рассказе о его творчестве, но сохраняем настоящую фамилию, излагая его жизненные перипетии.

Авторы сердечно благодарят администрацию и сотрудников архивов и библиотек, оказавших помощь в работе над книгой.

Глава первая
**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО
ЭРИКА АРТУРА БЛЭРА**

Семья и ранние годы

До 1934 года британского общественного деятеля, публициста и начинающего писателя Джорджа Оруэлла не существовало. Человека, который в середине тридцатых годов стал известным и к которому дружелюбно, с ненавистью или безразлично относились те, кто сталкивался с ним, звали Эрик Артур Блэр. Двойное имя использовалось только в официальных бумагах. Мы тоже будем употреблять только его первое имя — Эрик.

Эрик родился 25 июня 1903 года в колониальной периферии Британской империи, но в той ее части, которую ревнители «империализма» (не в ленинском понимании этого термина как «последней стадии капитализма»), а в смысле необходимости сохранения на вечные века незыблемого господства англичан над слаборазвитыми нациями Азии, Африки, Океании) именовали «жемчужиной короны» — в Индии, где служил чиновник средней руки Ричард Блэр — отец будущего Оруэлла.

Сам Ричард был одним из десяти детей приходского священника в городке Милборн (графство Дорсет). Задолго до этого, в XVIII веке, семейство Блэр было связано с аристократией, прадед Ричарда был женат на дочери графа Вестморленда, имел земельную собственность на Ямайке. Однако со временем доходы семьи упали, и священник Блэр вел скромную жизнь в своем почти деревенском приходе. Он умер, когда Ричарду было всего десять лет, оставив незначительное наследство.

В 1875 году восемнадцатилетний Ричард должен был начать самостоятельную жизнь. Он, видимо, был сильным, выносливым, обладал практической хваткой, умел устанавливать нужные связи. Всё это позволило ему найти престижную работу на колониальной имперской периферии.

После массы проверок умственного развития, физического состояния, здоровья и лояльности трону он был зачислен в Индийскую гражданскую службу, в которой в конце XIX века работало всего лишь немногим более тысячи человек. Ее чиновники были своего рода высшим слоем колониальной администрации, которому подчинялись полиция, служба гражданских инженеров, управление охраны лесов и другие административные подразделения, так что в действительности британцев, трудившихся здесь на благо короны, было во много раз больше.

Ричард работал на средней административной должности в отделении Опиумного департамента в городе Мотихари (провинция Бенгалия) на самой границе с Непалом, более чем в 600 километрах к северо-западу от Калькутты. Начал он с самой низшей чиновничьей ступени, которая именовалась «помощник заместителя опиумного агента третьего ранга», и до выслуги лет и получения пенсии продвинулся ненамного — из третьего ранга перешел в первый, так и оставшись «помощником заместителя».

Много воды утекло с тех пор, унеся с собой представление о торговле опиумом как обычном, даже вполне почтенном занятии. В конце XIX — начале XX века опиум считался прежде всего эффективным болеутоляющим средством, широчайшим образом применялся в медицинской практике. Импорт его из стран Востока в Европу был весьма прибыльным делом. С XVI века опиумом стали торговать португальцы, а через столетие в этот бизнес активно включились британцы.

Основным поставщиком зелья, которое постепенно начинало использоваться не только в медицине, но и в качестве средства, доставлявшего удовольствие, стала индийская Бенгалия. В 1773 году генерал-губернатор Бенгалии установил монополию Ост-Индской компании на торговлю этим товаром. Через 14 лет компания под предлогом вредности для здоровья добилась запрета на употребление опиума в самой Индии, и экспорт его, значительно более прибыльный, стал приобретать всё более широкие масштабы. Теперь опиум вывозился главным образом в Китай. В 1875 году, когда Ричард начал свою опиумную службу, производство наркотика в Бенгалии составляло около четырех тысяч тонн, и почти весь этот объем шел в огромную соседнюю страну, давая прибыль в 6,5 миллиона фунтов стерлингов в год, что составляло примерно шестую часть всех доходов имперской казны, получаемых из Индии. Так

что отец будущего видного публициста, писателя и общественного деятеля не занимался каким-то неподобающим ремеслом, а был членом того круга людей, которые считались своего рода опорной базой британской администрации в Индии. Сам Эрик писал позже, что он происходил из среды низшего слоя среднего класса³⁷.

Работа была нелегкой. Ричард Блэр не менее половины своего рабочего года находился в разъездах по самым отдаленным местам посевов опиумного мака: следил, чтобы соблюдались агротехнические нормы; определял меру необходимости займов земельным собственникам, имевшим контракты на выращивание зелья; подсчитывал объем производства; следил, чтобы весь урожай продавался властям по договорной цене, и т. д. Во время командировок жил он в палатках, иногда в крохотных грязных бунгало, страдал от насекомых, тропических дождей и страшной духоты.

Более двадцати лет служил он, не заводя семьи, удовлетворяясь случайными связями с индийскими девушками, посещая публичные дома, которые можно было найти чуть ли не в каждом квартале крупных городов. Только в 1896-м, когда ему уже шел 39-й год, Ричард познакомился с хорошенькой девушкой и сделал ей предложение. Оно было принято, скорее всего, в силу необходимости: девушка, служившая гувернанткой в богатых семьях колониальных администраторов, была обручена с другим человеком, но тот ее неожиданно бросил, и, чтобы не быть объектом сплетен, она поспешно вышла замуж за Ричарда.

Девушку, дочь англичанки и француза, в течение долгих лет занимавшегося торговлей и корабельным строительством в соседней с Индией Бирме, звали Айда* Мэйбл-Лимузин. Айда была моложе Ричарда на 18 лет. Родилась она в пригороде Лондона, но в раннем возрасте вместе с родителями отправилась за океан.

Поначалу коммерческие дела отца шли удачно. Одна из сестер Айды (всего в семье было девять детей) через много лет не без хвастовства рассказывала, что в Бирме у семейства был «образ жизни, как у принцев», и какое-то время в доме было 30 слуг (этот рассказ позже повторил Оруэлл в одном из очерков)³⁸. Однако отец увлекся спекуляциями и потерял почти всё состояние. Мать Айды Тереза до глубокой старости жила в Бирме, не желая возвращаться на родину. В начале 1920-х годов, когда Эрик появился в

---

* Так на английский манер звучит имя Ида.

Бирме в качестве британского полицейского, он иногда посещал свою бабушку, правда, без особого интереса, и в своих дневниках и произведениях не оставил сколько-нибудь подробных свидетельств этих встреч.

Эрик был вторым ребенком в семье. Когда он родился, отцу исполнилось 46 лет, матери — 28, а их первой дочери Марджори Френсис было пять лет. 30 октября 1903 года Ричард Блэр, работавший в Опиумном департаменте, и его супруга получили свидетельство, что в этот день состоялось крещение их сына, которому было дано имя Эрик Артур³⁹. Еще через пять лет на свет появилась младшая сестра Эврил.

В тех местах Индии, где побывала семья, иногда менявшая место пребывания в силу характера работы Ричарда, Айда оставила весьма благоприятное впечатление у тех британских подданных, с которыми общалась. Она создавала комфортные домашние условия в становившихся их жилищами непритязательных бунгалов, впрочем, мало считаясь со вкусами супруга, на которого смотрела сверху вниз. Первоначальные чувства (если они были) быстро охладели, у супругов появились разные спальни, хотя верность дому, ощущение себя хозяйкой и заботливой матерью у Айды сохранились. «Бедный старый Дик, — сочувствовал кто-то из родственников, — если он и слышал что-нибудь во время карточной игры [от жены], это было: “Дик, а ну-ка кончай свой покер”»⁴⁰.

Предпоследним местом, где обитали Блэры, был городок Мотихари — глухой уголок империи, связанный с центром Индии узкоколейной веткой железной дороги, с миниатюрной станцией, но зато очень активной протестантской миссией. Мотихари был центром обширного района маковых плантаций, так что работы у Ричарда было хоть отбавляй. Именно здесь и родился Эрик.

Через год отец был переведен в несколько более крупный город Монгир на южном берегу Ганга, со старинным фортом и населением 57 тысяч человек, из которых, согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, 322 были христиане. Словарь не упоминал, что город, как и прежнее местопребывание Блэров, был центром выращивания опиумного мака⁴¹.

Особого успеха на колониальной службе Ричард Блэр не добился. Он был человек скромный, не подсиживал сослуживцев, исправно выполнял служебные обязанности, но не пытался особо выделиться. Почти каждый год (кроме последних лет службы) его переводили на новое место, где

надо было заново обустроиваться. Небольшие повышения жалования почти не компенсировали растущих расходов.

У родителей постепенно зрела мысль, что дети должны жить и учиться на родине. Большинство британских чиновников посылали детей к родственникам. Лишь иногда матери отправлялись в метрополию вместе с потомством. Айда избрала второй путь, проявив больше заботы о детях, нежели о супруге. Когда Эрику был всего лишь год, мать с ним и его старшей сестрой возвратилась на родину. Предполагалось, правда, что вскоре за ними последует и глава семьи.

Трудно сказать, каковы были причины, по которым Ричард решил распрощаться с «жемчужиной». Скорее всего, он просто устал от службы в отсталой стране с малочисленной высшей кастой и многомиллионным нищим населением, непривычным для британцев климатом, огромным количеством вредных насекомых — переносчиков тяжелых болезней. Он, видимо, думал дать детям, прежде всего единственному сыну, приличное образование. Прошло, однако, всего несколько месяцев, и глава семьи изменил свое решение. Он остался на субконтиненте дослуживать семь лет, остававшихся ему до пенсии.

Айда с детьми поселилась в городке Хенли-он-Темс в Юго-Восточной Англии, в графстве Оксфордшир. Городок был крохотным, всего с несколькими тысячами жителей (почти через столетие, в 2001 году, здесь обитало 10 646 человек), но история этого одного из старейших английских поселений восходила к XII веку (первое упоминание о нем датируется в хрониках короля Генриха II Плантагенета 1179 годом). В течение следующих семи с лишним сотен лет мало что здесь изменилось, разве что в 1790 году была впервые построена тюрьма.

Летом 1907 года Ричарду был предоставлен трехмесячный отпуск, который он провел с семьей; после этого визита родилась младшая сестра Эрика. Возвратившись в Индию, Ричард был во второй раз за всю службу повышен в чине — стал заместителем опиумного агента первого класса с небольшим повышением оклада — и в названном качестве дослужил до окончания контракта, после чего ему полагалась пенсия.

В начале 1912 года Ричард Блэр завершил свою колониальную службу и, получив пособие в 400 с лишним фунтов стерлингов в год, которое позволяло сравнительно безбедно существовать, но отнюдь не роскошествовать, присо-

единился к семье. По договоренности с ним Айда решила расстаться с восьмилетним Эриком, отправив его, как это часто практиковалось в английских семьях не только высшего, но и среднего общественного статуса, в частную школу с пансионом.

И до расставания с Эриком, и после родители не обращали особого внимания на его воспитание. Отец по возвращении на родину увлекся садоводством, проводил целые дни на своем участке, где даже пытался вырастить диковинные деревья, черенки которых привез из Индии. Он также играл в гольф, а за этим следовал покер. Не только дети, но и супруга оставались на заднем плане. Мать, которая в раннем детстве Эрика была заботливой и внимательной, постепенно также утратила интерес к воспитанию ребенка. Она вела домашнее хозяйство, не имея возможности держать постоянных слуг; наемные помощники привлекались только во время генеральных уборок, приема гостей и т. п.

Но в то же время у Айды оставалось время на светскую жизнь. Она любила подолгу общаться с соседками, обсуждая с ними всемирные и британские сенсации и главным образом местные сплетни. Она увлеклась спортом: играла в гольф, занималась теннисом, даже ездила в лондонский пригород Уимблдон, чтобы увидеть знаменитые соревнования, которые с 1877 года проводились здесь ежегодно в течение двух недель.

В дневнике Айды немало записей о спортивных играх, но почти нет упоминаний о муже и детях⁴². Записи о детях появлялись только в экстренных случаях — когда кто-то из них заболел или падал так, что необходима была медицинская помощь. Тогда Айда прерывала свои развлечения и принимала необходимые меры. В дневнике можно прочитать, например, что Айда великолепно проводила время в Лондоне, посещая теннисные матчи, бывшие тогда модным новшеством, но, получив телеграмму, что у Эрика поднялась температура, немедленно отправилась домой*.

Немало времени Эрик проводил со старшей сестрой. Правда, она вскоре стала встречаться с мальчиками, и присутствие младшего брата становилось обузой. Кавалер Марджори, Хамфри Дейкин, который позже стал ее мужем, считал брата своей подруги слишком чувствительным и

---

* Дневник Айды Блэр находится у потомков ее старшей дочери, живущих на Ямайке, его фотокопией располагает архивный фонд Оруэлла (George Orwell Archive. L/2).

слабым. Его раздражало, что ребенок часто плакал, потому что, как он жаловался, «никто его не любил»⁴³.

В памяти Эрика Блэра осталась многолетняя семья некоего слесаря, жившая на окраине городка. Дети приняли мальчика в свою компанию, которая развлекалась, взбираясь на деревья, разоряя птичьи гнезда, или занимаясь рыбалкой на близлежащем озере. Дети с окраины смотрели на городского мальчугана свысока, как на маменькиного сынка, на озере ему доставалось самое неудобное место. Но он чувствовал себя счастливым от самого факта общения с детьми, которые, в отличие от Хамфри, им не пренебрегали.

Как вспоминал Блэр, постепенно развлечения стали не столь уж невинными. Находясь совершенно без надзора взрослых, дети стали «играть» в доктора и больного, а затем и в мужа с женой. При этом Эрик впервые вначале на вид, а потом и на ощупь познакомился с физическими отличиями мальчиков и девочек. Старшие дети вразумительно объяснили ему, чем и как занимаются взрослые в постели. Но из попытки семилетнего Эрика и его чуть более старшей подружки перейти от изучения интимных частей тела друг друга к их соединению ничего не получилось — они были еще слишком малы*.

Правда, через какое-то время мать запретила Эрику встречаться с детьми рабочего, объяснив с явным оттенком присущего ей снобизма, что ее сыну не пристало общаться с простолюдинами. Хотя послушный ребенок безоговорочно выполнил материнские указания, «вольная жизнь» детей из рабочей среды осталась в его памяти как некое загадочное и соблазнительное времяпрепровождение, несравненно более привлекательное, чем его собственное детство, в основном одинокое и скучное. Дни, проведенные с этими детьми, остались в памяти на всю взрослую жизнь и отразились в стремлении Эрика Блэра погрузиться в среду простых людей, которые позже сочувственно, хотя не без доли иронии, описывались в его романах и публицистике. Так что рассказу Эврил о детских контактах ее старшего брата, по-видимому, можно доверять.

Между тем общения с родителями, как в детском возрасте, так и по мере взросления, почти не было. Тем не ме-

---

* Эти подробности Эрик через многие годы рассказал своей младшей сестре Эврил, а она передала их хранителю архивного фонда Оруэлла Яну Энгусу (см.: George Orwell Archive. S/44. I. Angus. Notes on Conversations with A. Dunn. 1964. April 16—19).

нее Ричард Блэр на протяжении всей жизни считал себя вправе вмешиваться в дела сына, решительно осуждал его «писательские занятия», считая их праздным времяпрепровождением. Но особенно отца возмутил тот факт, что сын отказался от данного родителями имени, взял себе псевдоним. И только перед смертью в 1939 году Ричард наконец смирился, что его сын не Блэр, а Оруэлл. Делать было нечего — тот стал довольно известным литератором.

Надо признаться, Айда не тяготилась отсутствием заботы со стороны супруга. Она по-прежнему предпочитала вести независимый образ жизни, а в недолгие часы, которые проводила с мужем, обычно давала ему всякие хозяйственные поручения и следила за тем, чтобы они исправно выполнялись. По этой причине соседи часто выражали сочувствие «старому Дику», особенно когда супруга прерывала его карточную игру — точно так же, как ранее делала это в Индии⁴⁴.

Более того, с годами у Айды выработалось своего рода отвращение к мужчинам вообще. Эрик вспоминал, что его мама, не обращая внимания на ребенка, оживленно обсуждала со своими знакомыми дамами, насколько непривлекательны все мужики, и прежде всего подчеркивала, что они физически неприятны. У ребенка складывалось впечатление, что женщины вообще не любят мужчин, которые напоминают им больших, отвратительных, дурно пахнущих животных; что мужчины очень плохо обращаются со своими женами и стремятся «силой» привлечь к себе внимание незамужних девиц⁴⁵.

Разумеется, вся противоречивость, непоследовательность, нелогичность этих суждений ребенком не осознавалась. Однако он надолго сохранил представление, что мужчины и женщины принадлежат к совершенно различным «видам» существ, между которыми, как правило, существуют враждебные отношения, несмотря на телесные игры, которые показали ему старшие дети слесаря. Поняв, что он принадлежит к «низшему», мужскому «виду», Эрик с ужасом думал о том, что, став взрослым, он также превратится в отвратительное чудовище. Он стал стесняться девочек, даже с сестрами был сдержан и не делился с ними своими мыслями и чувствами.

По мере того как дети росли, Айда обращала на них всё меньше внимания. У Эрика не сохранилось теплых чувств к матери. Он полагал, что его стремление к одиночеству было вызвано именно материнским запретом общения с соседскими детьми, принадлежавшими к «простым семьям».

В значительной степени именно это, как полагал взрослый Эрик, породило тягу к чтению и попытки изложить что-то на бумаге. «Я думаю, с самого начала мои литературные притязания были замешаны на ощущении изолированности и недооцененности. Я знал, что владею словом и что у меня достаточно силы воли, чтобы смотреть в лицо неприятным фактам, и я чувствовал — это создает некий личный мир, в котором я могу вернуть себе то, что теряю в мире повседневности», — вспоминал Оруэлл.

До поступления в школу, да и после Эрик был застенчивым, необщительным ребенком. После расставания с детьми слесаря он иногда играл с соседскими ребяташками, но предпочитал бродить в одиночестве. Он даже, по собственным словам, «приобрел некоторое манерничанье, которое все школьные годы отталкивало» от него товарищей.

Эрик с огромным интересом изучал окружающую природу, любил наблюдать за поведением кошек, собак, кроликов⁴⁶. Где бы он ни жил, с ним всегда были какие-то животные. Хотя подчас их заводили с хозяйственной или потребительской целью, наблюдение за их повадками в домашних условиях и изучение живого мира в его естественной среде обитания были характерны для Блэра на протяжении всей жизни.

Эрик рано научился читать. Незадолго до того как ему исполнилось восемь лет, он обнаружил потрепанное, сокращенное и адаптированное для детей издание «Путешествий Гулливера» Свифта. Собственно, книга была предназначена Эрику как подарок на день рождения, причем экономная мать решила не тратиться на новое издание.

Открыв книгу, мальчик увлекся ею с первых строк, а когда настала ночь, долго не мог заснуть, строя предположения, что же дальше произойдет с героем. Свифт стал любимейшим писателем ребенка, а затем взрослого Эрика. В 1942 году писатель Оруэлл гордо констатировал в одной из своих передач на радиостанции Би-би-си: Гулливер «всегда жил со мной с того времени, так что, я полагаю, не проходило и года, чтобы я не перечитал хотя бы часть его»⁴⁷. Примерно то же говорилось в целом ряде его статей и критических обзоров, где, в частности, высказывалось сожаление, что так мало людей читали «Путешествия Гулливера»⁴⁸.

Эрик рано полюбил поэзию. Ему нравились рифмы и ритмы, особенно когда они были связаны с возвышенным

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru